

- ²⁰ Хроленок С.Ф. Указ. соч. С. 88.
²¹ Там же. С. 90.
²² Там же. С. 91.
²³ Там же. С. 92.
²⁴ Сапоговская Л.В. Указ. соч. С. 81–83.
²⁵ Пучков Н.А. Указ. соч. С. 136–138.
²⁶ Хроленок С.Ф. Указ. соч. С. 174.
²⁷ Шарапов И.П. Очерки по истории Ленских золотых приисков. Иркутск. Ирк. обл. гос. изд-во, 1949. 205 с.
²⁸ Хроленок С.Ф. Указ. соч. С. 175, 176.
²⁹ Павловский В.К. Русская золотопромышленность и промысловый налог. Екатеринбург, 1909. С. 11–13.
30 Хроленок С.Ф., Орлов М.Н. Вопросы управления золотодобывающей промышленностью Сибири в законодательных актах самодержавия в конце XIX–начале XX вв. / Сб.науч.тр. Политика царизма в Сибири в XIX–начале XX вв. / Иркутск: Изд-во ИГПИ, 1987. С. 198–201.
³¹ Сапоговская Л.В. Указ. соч. С. 96.

Д.Я. МАЙДАЧЕВСКИЙ

**ЛЕОНИД СЕМЕНОВИЧ ЛИЧКОВ (1855–1943) —
ИССЛЕДОВАТЕЛЬ СИБИРСКОЙ ОБЩИНЫ**

«За 5 лет пребывания в Сибири
я сильно полюбил ее и с удовольствием бы
возвратился обратно...»

Из письма Л.С. Личкова к В.Г. Короленко, [1894]¹

По поводу происхождения русской земледельческой общины в среде отечественной научной интеллигенции, начиная с середины девятнадцатого столетия, шла весьма оживленная дискуссия. Одни видели в крестьянской общине пережиток «первобытного коммунизма», призванный быть вытесненным более высокими хозяйственными отношениями. Другие связывали появление института общины с деятельностью государства, руководствовавшегося фискальными соображениями и создавшего этот институт для облегчения взимания с крестьян налоговых повинностей. Сельская община, по общему мнению, переживала критический момент в своем существовании: надлежало ли поддерживать этот «осколок русской старины», или способствовать процессу разложения общины и переходу крестьянской массы к «участковому землевладению», каковое сложилось в большинстве стран Европы.

Полемика эта долгое время носила преимущественно отвлеченный, «теоретический» характер. Лишь на исходе 1870-х гг. было положено начало новому, «фактическому» подходу к изучению общины. Старт «фактическим» исследованиям общины был дан в 1878 г., когда практически одновременно увидели свет программы изучения поземельной общины, составленные под эгидой двух крупнейших отечественных научных институций того времени — Вольного экономического (ВЭО) и Русского географического (РГО) обществ².

Программа, разработанная комиссией отделения этнографии и статистики РГО увязала изучение генезиса русской общины с развитием отечественной экономической науки: «все политико-экономические законы и положения относительно землевладения ... основаны на тех порядках ..., которые развивались в государствах западной Европы, и на крайне отрывочных наблюдениях, собранных западными же учеными в других странах мира, большею частью случайных, и притом нередко у народов, стоящих на крайне различных ступенях культуры и живущих при совершенно особых от европейских условиях жизни»³. Такие экономические построения, на взгляд авторов программы, лишены прочной опоры. Последнюю могут дать лишь оригинальные отечественные исследования, главным образом, «живой истории» русского общинного землевладения и землепользования, проводимые на окраинах страны, где «общинного землевладения в его чистой форме не существует»⁴, и воочию можно наблюдать постепенное его развитие.

На появление программ ВЭО и РГО откликнулась и Сибирь, в стремлении расставить точки над «і» в давно дискутируемом вопросе о самом факте существования общины на этой окраине страны. В 1879 г. в Омске, Западно-Сибирским отделом РГО была выпущена «Программа исследования сельской общины в Сибири», составленная Н.М. Ядринцевым⁵, распространение которой, впрочем, не привело к сколько-нибудь значимым результатам: было получено лишь несколько ответов, главным образом от волостных писарей, частично использованных впоследствии в работах С.Я. Капустина.

Аналогичная судьба постигла и программу, распространенную Восточно-Сибирским отделом РГО в 1879 г. Разосланная работникам межевого ведомства и военным топографам она принесла не более десятка ответов, которые в большинстве своем не соответствовали поставленным в программе вопросам⁶. Взятый за их обработку В.И. Вагин вынужден был признать, что «исследование поземельной общины не для всех может быть доступно; оно требует некоторой, и не маленькой, подготовки. Необходима известная степень образования, известное знакомство с литературой предмета, с научной и сель-

скохозяйственной терминологией»⁷. Ставилась под сомнение сама возможность осуществления исследований силами отделов РГО, а фактически — добровольных корреспондентов (учителей, священнослужителей, волостных писарей и пр.), в чей адрес рассылались программы. Поэтому местные научные круги и губернские администрации задавались закономерным вопросом о необходимости организации специальных экспедиций или комиссий, опыт учреждения которых был уже накоплен отечественной наукой. И действительно реальный вклад в дело изучения генезиса общины внесли исследования, осуществленные экспедиционным путем — полевые исследования русских статистиков.

Старт хозяйственно-статистическим исследованиям в Восточной Сибири был дан Государственным Советом, рассмотревшим в апреле 1887 г. представление Министерства Государственных имуществ «О мерах к поземельному устройству сельского населения Восточной Сибири» (Мнение Госсовета было высочайше утверждено 12 мая того же года) и поручившим «организовать особый отряд из чинов ведомства Министерства Государственных Имуществ для исследования условий быта сельского населения в Восточной Сибири в видах правильного разрешения вопросов о размерах земельного надела и оброчной подати»⁸.

Высшее руководство работами было возложено на Иркутского генерал-губернатора графа Алексея Павловича Игнатьева, по представлению которого непосредственная организация и осуществление работ были поручены статистикам, снискавшим себе «лестную известность работами в сфере земской статистики» — Л.С. Личкову, Н.М. Астыреву⁹ и Е.А. Смирнову¹⁰. С точки зрения предпринятого нами исследования наибольший интерес представляет фигура Л.С. Личкова, выступившего фактическим руководителем временно-го творческого коллектива.

Леонид Семенович Личков родился 16 апреля 1855 г. в г. Холмогоры¹¹. По окончании в 1873 г. Архангельской гимназии поступил в Петровскую сельскохозяйственную академию, курс которой, однако, не завершил из-за «прикосновенности» к студенческим волнениям¹². В 1878 г. после ареста Личков был выслан на родину, в Архангельскую губернию, где приступил к изучению хозяйственного быта местного населения. В 1879–1880 гг. принял активное участие в исследовании архангельским губернским статистическим комитетом земледельческой общины. Результатом стала небольшая работа «Семужинская община (Архангельской губернии)», опубликованная в «Сборнике материалов для изучения сельской поземельной общи-

ны»¹³, призванном подвести первые итоги исследования общины с использованием программ ВЭО и РГО.

Автор весьма самокритично отзывался о своей фактически первой работе о формах крестьянского землевладения и землепользования, вынесенной на суд широкой читательской аудитории, называя «беглым очерком, набросанном на том основании, что лучше что-нибудь, чем ничего»¹⁴. Более того, использовал собственный опыт составления ответа на программы, для того чтобы продемонстрировать существенные недостатки, им присущие.

К таковым он относил, прежде всего, преимущественно юридический характер программы Вольного экономического общества, вопросы которой нацеливают исследователя на сбор сведений исключительно об уже сложившихся формах землевладения с целью «установления более или менее правильного законодательства относительно владения землею в том смысле, который, на основании собранного фактического материала, сочтется наиболее благоприятным для будущности нашего земледельческого населения»¹⁵.

Куда более актуальным считал Личков проведение исследования общины, носящего экономический характер (который, на его взгляд, был присущ в большей мере программе РГО). Такое исследование призвано было рассмотреть формы землевладения и землепользования в их динамике, собрать факты, свидетельствующие о влиянии экономических, прежде всего, условий на изменение земледельческих порядков (и не только общинных). И произвести это изучение надлежало «в интересах экономической науки, в смысле выяснения и поправки политико-экономических тезисов и положений»¹⁶, доверие к которым серьезно подорвано вследствие заимствований из западной экономической науки и отсутствия отечественных исследований порядков и форм владения землей.

«Сборник» же, на взгляд Л.С. Личкова, продемонстрировал явное преобладание работ, реализовавших «юридический подход» к исследованию общины. В нем доминировали описания земельных порядков, причем выполненные в виде изображения «сплошной картины» конкретной общины, т.е. своеобразного свода наблюдений над ней, что крайне затрудняло как анализ, так и обобщение собранного материала. Такой жанр «краеведческих описаний», весьма распространенный в провинции, откровенно не устраивал исследователя. Наиболее удобной формой подачи материала представлялись ему обстоятельные ответы на каждый вопрос программы, изложенные в строгом порядке, но отдельно друг от друга. А это, в свою очередь, предъявляло завышенные требования к «собираателям» материалов,

в качестве каковых выступали, как показали первые опыты, волостные старшины, писаря, сельские учителя и священники, т.е. люди сравнительно малоразвитые и образованные, а нередко и малограмотные, неспособные связно излагать свои мысли на бумаге¹⁷.

К вопросу об организации статистических исследований Л.С. Личков вновь обратился на рубеже 1881–1882 гг., но уже в качестве представителя земской статистики — заведующего рязанским губернским земским статистическим бюро. В статье, опубликованной на страницах газеты «Русские ведомости», сравнивая деятельность губернских статистических комитетов с работами земских статистиков, он указывает на недостоверность «казенной» статистики, оперирующей «официальными» цифрами. «Ошибка» заложена, на его взгляд, в «единице исследования», в качестве которой та берет единицу административную (волость, сельское общество). В то время как земская статистика избрала самую мелкую хозяйственную единицу: частновладельческое помещичье хозяйство и крестьянский двор. Но главное преимущество последней, которое следует использовать при изучении общины — хорошо подготовленные люди, умение, опытность и интерес к делу которых являются залогом точности статистических наблюдений¹⁸.

В 1883–1886 гг. исследовательские интересы Л.С. Личкова (занимавшего должность секретаря Саратовской губернской земской управы) все больше смещаются в сторону изучения истории форм крестьянского землевладения. Описание существующих поземельных отношений и их изменений во времени должны, на его взгляд, служить обязательным введением к изучению сельского хозяйства каждого уезда. Что последовательно реализуется им в «Сборнике статистических сведений по Саратовской губернии» при описании форм крестьянского землевладения в Саратовском уезде. Исследование не обнаружило в чистом виде подворно-наследственной формы землевладения, зато констатировало факт различного по продолжительности существования общинных порядков: «в то время как большинство селений уезда совсем не помнит происхождения у них общинного землевладения, или же воспоминания эти очень смутны и спутаны, в некоторых волостях ... они еще довольно свежи, а в некоторых ... не изгладились еще некоторые следы образования общин»¹⁹.

Предметом изучения в следующем очерке стала история форм крестьянского землевладения у бывших государственных крестьян Царицынского уезда, сохранивших воспоминания о времени, причинах и обстоятельствах поселения в южных степях Саратовской губернии. Используя опрос как метод не только статистического, но и исторического исследования, Личков фактически реконструирует ис-

торию возникновения и развития общинных порядков, начиная с захватного пользования землей, завершая общинным владением ею, с разверткой путем частных и коренных переделов между домохозяевами по душам, работникам и т.п.

Исследователь уделяет особое внимание установлению связи между продолжительностью существования захватного владения и временем поселения, между исчезновением «захвата» и увеличением населения в результате переселения и естественного прироста. От внимания Личкова не ускользнули «сложные» общины (в основе которых совместное владение землей нескольких поселений), которые рассматриваются как наследие захватного способа владения землей. В заключении он отмечает многообразие форм общинного землевладения на территории губернии, которое объясняет различной плотностью населения в различных ее уездах²⁰.

С таким весьма внушительным интеллектуальным заделом в области изучения форм крестьянского землевладения исследователь подошел к началу сибирского этапа в изучении общины.

Исследование землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской губернии, осуществленное в 1887–1891 гг., принято относить к «земскому типу», имея в виду не только и не столько участие в нем земских статистиков, лишь временно причисленных к Министерству государственных имуществ и откомандированных в распоряжение генерал-губернатора Восточной Сибири, сколько присущие ему характерные черты. Если первоначально земская статистика преследовала вполне конкретную фискальную цель — оценку объектов земского обложения, то к рассматриваемому нами времени она уже приняла характер общеэкономического изучения народного быта.

«Господствующим в земской статистике способом, в частности единственным, применявшимся в основных земских статистических исследованиях — земельно-хозяйственных переписях, сделался так называемый экспедиционный способ: устный опрос населения, по заранее выработанным формулярам»²¹, разработка которых, и, прежде всего, пообщинного бланка, добавим, осуществлялась с опорой на вышеназванные программы для изучения земельной общины²².

Использование в рамках «экспедиционного подхода» метода устного опроса, общего для статистического, этнографического и исторического исследования, позволило на практике осуществить их синтез. Как и у этнографа, главной функцией статистика стало описание изучаемого им объекта — общины как общественного феномена, но не на основе лишь чувственного ее восприятия. Статистики попытались дать ответ не только на вопрос «как?», традиционный для эт-

нографа, но и на вопросы «почему?» и «сколько?». Пускай даже эти «почему» и «сколько», применительно к познанию «живой истории» общины, призваны были продемонстрировать всего лишь причины и степень распространения тех или иных изменений в общинных порядках сибирской деревни в конкретный момент времени. Другими словами, статистики помимо функции сбора материала предприняли попытку его обобщения, систематизации, анализа и даже концептуального осмысления. Продемонстрировали статистики и первый опыт устно-исторического исследования.

Л.С. Личков настаивал на высокой степени достоверности сведений, получаемых при подворной переписи, производимой посредством опроса крестьян на миру, главным образом, благодаря наличию хорошо составленной программы такого опроса, а также предварительной подготовке статистиков²³. Тем более, что опрос производился в каждом селении на сходе, в присутствии всех или большинства домохозяев данного селения, что не только ускоряло процесс опроса, но и повышало достоверность информации, благодаря контролю со стороны участников. В вопросе же о формах крестьянского землепользования и вовсе речь идет, о получении опросным путем, прежде всего, качественных характеристик, нежели количественных показателей.

Опросы в селениях Иркутской губернии были начаты в декабре 1887 г. и завершены к январю 1889 г., прерываясь лишь на время полевых земледельческих работ. До осени шла обработка собранных материалов. В конце того же года в Иркутске увидел свет первый том «Материалов по исследованию землепользования и хозяйственно-го быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния», содержащий таблицы. В 1890 г. уже в Москве были изданы пять выпусков второго тома, содержавшие и текстовую часть²⁴. В том же году исследование было перенесено на территорию Енисейской губернии²⁵.

Коллектив авторов, уже по самой природе своей работы, скорее тяготеет к дроблению, а не синтезу предмета. Поэтому, несомненным достоинством организации работ, отразившимся на результатах, стало их распределение между участниками полевых исследований не по территориальному (что было характерно для западносибирской экспедиции, начавшей свою работу годом ранее), а по предметному принципу. При этом каждый исследователь взял на себя по всему региону разработку материала по тем вопросам, в которых был наиболее компетентен и сведущ. Не удивительно, поэтому, что разработку вопроса о формах крестьянского землевладения Личков оставил за собой: описанию общинных форм землевладения была посвящена

подготовленная им глава «Формы крестьянского и инородческого землевладения»²⁶.

Как и в предшествующих работах Личков начинает свое повествование с описания картины происхождения начальной ступени развития форм крестьянского землевладения («захватно-родовой»), полученной единственно доступным ему методом устной истории, «по рассказам стариков», приведенным теми «...фактам образования различных выселков и заимок и, наконец, по аналогии с формами захвата, ныне практикуемыми... Два-три примера, взятые наудачу, выяснят, как происходил этот захват “на памяти дедов и стариков”»²⁷.

Поскольку заселение края производилось не одновременно и условия, в которые попадали переселенцы, были различны, как различаются и современные условия ведения хозяйственной деятельности, «...совершенно невозможно проследить историю постепенного, последовательного развития тех изменений, какие с течением времени происходили в чистой форме захватно-родового землевладения. Представляется лишь возможным констатировать происшедшие уже изменения, ...уяснить их причины и значение и указать относительную степень распространенности тех или других изменений в данный момент в различных общинах»²⁸.

Именно в наблюдении исторических изменений как этнографических явлений, а точнее, превращении недоступных последовательному наблюдению изменений в пространственные моменты, видел Личков задачу изучения «живой истории» общины. Если бы существовала возможность проследить эти изменения во времени, «...то перед глазами исследователя прошло бы, вероятно, весьма много фактов этого рода, тогда как если изучать распространенность этих переходных явлений за каждый данный момент, — их, без сомнения, найдется сравнительно не много»²⁹. Большинство изменений происходит «не оставляя часто по себе следов». От словесного решения той или иной общины, неоднократно указывает исследователь, «не осталось и следа».

Наибольший интерес исследователь проявил к «захватно-родовому» владению землей. И, прежде всего потому, что долгое время в литературе господствовала точка зрения, отрицавшая существование общинного землепользования в Сибири и настаивавшая на широком (за исключением густонаселенных районов) распространении индивидуальной земельной собственности, являющейся, в известной степени, «порождением» именно первоначального «захватно-родового» владения землей.

Кроме того, именно в этой форме хозяйственной организации исследователь небезосновательно усматривал корни всех последу-

ющих изменений в общинных порядках. Поэтому он рассматривает «характерные черты захватно-родового владения в его чистом виде», а затем на основании собранных материалов выясняет как под воздействием меняющихся условий жизни населения (увеличивающейся в результате роста численности населения нужде в земле), меняются и эти черты, нарушается «равновесие взаимоотношений отдельных членов общины» и «отношения междуобщинные». Появляющиеся и усиливающиеся споры из-за земли, случаи самовольного запахивания меж, нарушения земельных прав разрушают чистую форму «захватно-родового» владения, приводят к увеличению прав «мира», в ущерб правам отдельных его членов.

Страницы, посвященные Л.С. Личковым «захватно-родовой» форме владения землей, предоставляют, кроме всего, уникальную возможность наблюдать за выработкой понятийного аппарата науки, который впоследствии был не только использован другими хозяйственно-статистическими исследованиями, но и востребован этнографией и исторической наукой. Для характеристики первоначальной формы владения исследователь сконструировал, например, понятие «захватно-родового владения землей» используя слова «захват» и «родовое владение» как «весьма употребительные среди местного сельского населения» и точно отражающие отношения, складывающиеся в процессе вольного заселения края, изобилующего свободными землями³⁰.

Несло это понятие и отпечаток оригинальной трактовки автором природы захватно-родового владения землей как формы землевладения общинного. «Захватно-родовое владение, — подчеркивает исследователь, — как это могло бы показаться на первый взгляд, отнюдь не исключает существования права мира быть владельцем и распорядителем земель, разрабатываемых и утилизируемых его отдельными членами; иными словами, *не исключает возможности существования общинной формы землевладения*»³¹ (курсив Л.С. Личкова. — Д.М.). Опираясь на материалы опросов, Личков пытается доказать, что уже с момента возникновения захватно-родовое владение несет в себе свойства, характерные для общинного землевладения, препятствуя, например, переходу своих земель в другие, как он пишет, «чужие» руки.

Подводя итог своего исследования, статистик констатирует факт существования на большей территории Иркутской губернии преимущественно переходных к общинным форм землевладения, настойчиво включая в их число и захватно-родовое: «Вообще же, захватно-родовое землевладение переживает здесь в настоящее время переходный момент своего существования и, вследствие различия во времени возникновения разных общин, а также и чрезвычайного разнообразия

условий, в каких они жили с момента своего возникновения, современное захватно-родовое владение исследованного района являет ... чрезвычайное разнообразие форм своего существования»³².

Именно эта часть исследований Л.С. Личкова будет подвергнута критике за стремление любыми способами скрыть факт первоначального господства «захватной», «заимочной» частной собственности; доказать, что смысл истории развития форм землепользования в Сибири заключался в победе общинного начала над личным. Но именно ее исследователь сочтет необходимым довести до сведения как можно более широкой аудитории, использовав для этой цели страницы газеты «Восточное обозрение»³³.

К числу «самых слабых мест» восточносибирского исследования отнесет главу о формах крестьянского землевладения, написанную Личковым, А.А. Кауфман, высоко оценив, при этом, организацию работ, предметный принцип разработки материалов, а также в целом полученные результаты³⁴. Причина неприятия построений коллеги кроется, на наш взгляд, в борьбе за признание приоритета в постановке задач изучения «живой истории» общины и уже полученных на этом пути результатов за западносибирской экспедицией, в том числе и самим Кауфманом.

Впрочем, критика в адрес построение Личкова не помешала А.А. Кауфману дать благоприятный отзыв об исследовании в целом для комиссии по присуждению медалей отделения статистики РГО. Его вывод, что «работа была отлично выполнена и дала, как с научной, так и с практической точки зрения, богатейшие результаты, которые...надолго останутся одним из лучших украшений нашей статистической литературы»³⁵, послужил основанием присуждения этому труду в 1893 г. большой золотой медали³⁶.

Еще летом 1890 г. Л.С. Личков получил приглашение от А.П. Игнатьева, незадолго до этого ставшего генерал-губернатором Юго-Западного края, переехать в Киев с целью изучения форм землевладения на Украине³⁷. Но только на исходе 1891 г. состоялся его перевод, в результате чего экспедицию по обследованию Енисейской губернии возглавили М.М. Дубенский, А.Н. Козлов и А.Н. Ушаков, ранее рядовые ее сотрудники.

В 1892 г. Л.С. Личков переехал в Киев, где возглавил отделение по крестьянским делам канцелярии киевского, подольского и волынского генерал-губернатора. В нашу задачу не входит рассмотрение его деятельности на этом посту, как и последующих перипетий его жизненного пути. Обратим внимание лишь на факты, имеющие непосредственное отношение к теме исследования.

Уже в январе 1893 г. Личков становится действительным членом Исторического общества Нестора-летописца при Университете Св. Владимира, где близко сходитя с известным историком, профессором И.В. Лучицким. Как отмечает Б.Л. Личков, это сближение стало результатом общего интереса к проблемам истории общины: «когда приехал в Киев Л.С. Личков, И.В. Лучицкий был чрезвычайно заинтересован его открытиями по истории общины в Сибири и они нашли много созвучных мотивов между прошлым Украины и живой творящейся историей землевладения Сибири и ее земельной общины»³⁸.

Внимание к оригинальным построениям в области «живой истории» общины со стороны столь авторитетного ученого-историка поощрили Л.С. Личкова не просто к ряду публичных выступлений с изложением уже хорошо известного по публикациям материала, но к стремлению сделать его интересным и полезным для академической аудитории профессиональных историков и любителей прошлого.

Поэтому, далеко не случайно Личков избирает темой своего первого выступления, состоявшегося в заседании Общества 28 ноября 1893 г., отнюдь не эволюцию форм крестьянского землевладения, а историю заселения Сибири. Содержание этого доклада интересно не только и не столько конкретными фактами, в нем приводимыми, сколько рассказом о новом для исторической науки методе их получения — методе устной истории, активно использовавшемся статистиками в ходе изучения крестьянской общины в Сибири, но еще не вошедшем в арсенал исторической науки.

В утвержденную программу исследований вопросы истории не входили, но необходимость бывать в каждом, самом незначительном, населенном пункте и вступать в беседу с местным населением, предоставила возможность попутно, «почти не увеличивая времени на производство исследования..., собирать от того же населения и сведения о времени его поселения, об истории основания селений и обстоятельствах его сопровождавших»³⁹. При этом статистик особо подчеркивает общность способа получения исторической и статистической информации — опрос, в данном случае, преимущественно «стариков и дедов», знакомство с преданиями, сохранившимися в памяти местного населения.

Останавливается он и на проблеме достоверности исторических сведений, полученных методом опроса. Сравнение добытых таким путем данных о времени заселения двух районов с информацией, почерпнутой из случайно сохранившихся архивных документов, убедило исследователя в том, что «пользоваться сведениями, собранными от жителей распросным путем, вполне допустимо и возможно при

необходимой осторожности в обращении с ними, так как распросные сведения, в общем, незначительно отличаются от архивных...»⁴⁰.

Историки, привыкшие разрабатывать историю на основе сохранившихся в архивах документальных источников, считал Л.С. Личков, напрасно недооценивают информацию, содержащуюся в устных преданиях. Отношения собственности, зафиксированные в коллективной памяти общины, оставляют крайне мало следов на бумаге. Тем более что в архивах окладываются, главным образом, официальные документы, проливающие свет, в лучшем случае, на «внешнюю сторону» истории этих отношений. Реконструировать же историю «внутренней жизни» можно иногда исключительно по данным устной истории. Способны они и «восполнить брешь», образовавшуюся в результате гибели архивных материалов вследствие хищений и пожаров.

В заключение своего доклада статистик подчеркнул особую актуальность сведений, получаемых методом устной истории, для будущих историков Сибири, порой, не имеющих возможности опереться в своих работах на архивные, письменные источники. Оставив, впрочем, «окончательное решение о том, должен ли ... такого рода материал приниматься во внимание при изучении местной истории»⁴¹, за профессиональными историками.

Следующий доклад Л.С. Личкова, прочитанный на заседании исторического общества Нестора-Летописца 3 апреля 1894 г., судя по названию — «Очерк истории развития форм крестьянского и иногородческого землевладения в Восточной Сибири по новейшим данным» — призван был, с одной стороны, познакомить слушателей с конкретными результатами недавно завершеного автором исследования, а, с другой, — продемонстрировать возможности новых аналитических методов для познания прошлого общины.

Понятием «история» статистики определяли, как правило, не хронологическую последовательность возникновения общинных порядков, а естественный переход от одной формы хозяйственной организации к другой. Эти-то этнографически наблюдаемые и методом опроса устанавливаемые «переходы» они и предложили «экстраполировать» в «историю» (прошлое): «сама история развития форм землевладения у сибирского крестьянства может быть в достаточной подробности изучена путем исследования тех условий землевладения и землепользования, которые могут быть наблюдаемы в Сибири в настоящее время»⁴². Значимость этих исследований не ограничивается, по мнению Личкова, вкладом в познание местной истории. Серьезное значение их результаты должны иметь и для изучения истории тех же форм в Европейской России.

Л.С. Личков еще дважды выступил в Обществе с докладами, основанными на собранных в Сибири материалах⁴³, на чем, фактически, прекратилось его участие в исследовании «живой истории» общины, а, следовательно, закрылась «сибирская» страница его интеллектуальной биографии. Но не завершилась история этой исследовательской области.

Элементы оригинальной историко-экономической концепции эволюции народного землевладения, разработанные усилиями «сибирских» статистиков, довелось свести воедино А.А. Кауфману. На исходе XIX в. одна за другой выходят его монографии, обобщающие результаты местных исследований, осуществленных в Западной и Восточной Сибири, а также в Забайкалье. Итог многолетним исследованиям в области «живой истории» общины был подведен в книге «Русская община в процессе ее зарождения и роста» (М., 1908), благодаря которой, ученый снискал авторитет уже не только «первооткрывателя сибирской общины», но и основоположника «историко-социологической теории эволюции народного землевладения»⁴⁴.

Не отрицая несомненных заслуг А.А. Кауфмана, по праву занявшего достойное место в русской историко-экономической науке конца XIX–начала XX веков, будем помнить и о Л.С. Личкове, оставшемся в тени своего более известного и успешного современника, тем более что именно ему принадлежит приоритет в постановке ряда актуальных проблем историко-экономической науки, генерировании идей, подхваченных и развитых впоследствии научным лидером.

Примечания:

¹ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ), ф. 135, разд. II, к. 28, д. 53, л. 1 об.

² См.: Программа для собирания сведений о сельской поземельной общине, выработанная III отделением Императорского Вольного экономического общества. СПб., 1878. 34 с.; Опыт программы исследования поземельной общины, составленный Комиссией при Императорском Русском географическом обществе. СПб., 1878. 28 с.

³ Опыт программы исследования поземельной общины, составленный Комиссией при Императорском Русском географическом обществе. СПб., 1878. С. 2–3.

⁴ Там же. С. 4.

⁵ Программа исследования сельской общины в Сибири. Сост. при Зап.-Сиб. Отд. Имп. Русского Геогр. об-ва. Омск, 1879. [X], 22 с.

⁶ Заполненные бланки сохранились в Государственном архиве Иркутской области (ГАИО), ф. 293, оп. 1, д. 18.

⁷ Вагин В. Заметки об общинном быте Забайкальских казаков III пешего Отдела // Известия ВСОИРГО. 1881. Т. XII. № 1. С. 28.

⁸ ГАИО, ф. 25, оп. 27, д. 621, т. 1, л. 8.

⁹ Николай Михайлович Астырев (1857–1894) в 1881 г., оставив учебу в петербургском институте инженеров путей сообщения, под влиянием народнических идей отправился «в народ» и служил писарем в Воронежской губернии. С 1884 по 1887 г. работал в московском губернском земском статистическом бюро под руководством В.И. Орлова. В 1888–1889 гг. заведовал Иркутским губернским статистическим бюро. С марта 1888 г. в течение года, до своего отъезда из Сибири, был председателем отделения статистики Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества.

¹⁰ Евгений Александрович Смирнов (1859–?) окончил курс в Казанском университете кандидатом математики. До командировки в Сибирь был помощником заведующего статистическим бюро казанского губернского земства. С 1894 г. — состоял на службе в Министерстве земледелия и государственных имуществ и неоднократно командировался в Сибирь по землеустроительным и переселенческим делам. Свое участие в исследованиях Иркутской и Енисейской губерний использовал фактически в качестве «трамплина» для успешной чиновничьей карьеры.

¹¹ Автор выражает признательность внучке Л.С. Личкова — Ольге Борисовне Личковой, любезно предоставившей в его распоряжение копию машинописного экземпляра работы ее отца Б.Л. Личкова «Памяти Л.С. Личкова (1855–1944)». (Рукопись работы хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН в личном фонде Бориса Леонидовича Личкова (ф. 1039))

¹² Впрочем Б.Л. Личков высказывает иную точку зрения, считая, что Леонид Семенович «оставил ее (Петровскую академию. — Д.М.) вполне сознательно, исходя из следующих соображений. Ему представлялось, что не такое теперь время, чтобы учиться, жизнь требует дела, действия; действие же представлялось в виде вхождения в более тесные связи с народом, уяснения, чем он живет, что он собой представляет.» (там же. С. 13). Сам же Л.С. Личков настаивал на факте окончания им полного курса высшего учебного заведения, что в частности зафиксировано было в биографической статье, помещенной еще при жизни ученого во втором дополнительном томе энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона (СПб., 1906. С. 92). Мы, однако, будем придерживаться сведений, содержащихся в работах Б.Л. Личкова и С.А. Венгерова (См.: Русская интеллигенция. Автобиографии и библиографические документы в собрании С.А. Венгерова: Аннотированный указатель: В 2 т. Т. 1. А–Л. СПб., 2001. С. 600–601).

¹³ См.: Личков Л.С. Семужинская община (Архангельской губернии) // Сборник материалов для изучения поземельной общины / Под ред. Ф.Л. Барыкова, А.В. Половцева и П.А. Соколовского. СПб., 1880. С. 389–393.

¹⁴ Личков Л.С. Первые опыты по исследованию поземельной общины // Дело. 1881. № 1. С. 69.

¹⁵ Там же. С. 51.

¹⁶ Там же.

¹⁷ См.: там же. С. 62.

¹⁸ Личков Л.С. К вопросу об организации статистических исследований на местах // Русские ведомости. 1882. 30 янв. С. 3.

¹⁹ Личков Л.С. Формы крестьянского землевладения // Сборник статистических сведений по Саратовской губернии. Т. 1. Саратовский уезд. Саратов, 1883. С. 32.

²⁰ См.: Личков Л.С. Заселение и история форм крестьянского землевладения южных степей саратовской губернии (По земско-статистическим исследованиям) // Земский обзор. 1885. № 8–9. С. 109–112; № 10. С. 133–137.

²¹ Кауфман А.А. Статистическая наука в России. Теория и методология. 1806–1917. Историко-критический очерк. М., 1922. С. 53.

²² ГАИО, ф. 25, оп. 27, д. 621, т. 1, л. 10–65.

²³ См.: Восточное обозрение. 1888. № 16–17. С. 7–8.

²⁴ Шестой выпуск второго тома «Материалов...» по Иркутской губернии был издан в Иркутске в 1892 г.

²⁵ Подробнее см.: Астырев Н. Организация и ход статистических исследований в Восточной Сибири // Юридический вестник. 1890. Т. IV. Кн. 4. С. 664–682.

²⁶ В указанном издании Л.С. Личков опубликовал также главы: «Сбыт сельскохозяйственных продуктов и покупки сельского населения Иркутской губернии» и часть главы «Промыслы» (Т. 2. Вып. 4). Для появившегося несколько позднее шестого выпуска, посвященного Верхоленскому округу, им подготовлены главы «Формы землевладения», «Наемный труд в крестьянском хозяйстве» и «Неземледельческие промыслы» (Т. 2. Вып. 6. Иркутск, 1892). Принял участие статистик и в составлении выпусков, посвященных Енисейской губернии, поместив главу «Сбыт сельскохозяйственных продуктов и покупки сельского населения» (Т. 4. Вып. 5. Иркутск, 1893).

²⁷ Личков Л.С. Формы крестьянского и инородческого землевладения // Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. Т. 2. Вып. 3. М., 1890. С. 115.

²⁸ Личков Л.С. Формы крестьянского и инородческого землевладения... С. 135.

²⁹ Там же. С. 164.

³⁰ Там же. С. 115.

³¹ Там же. С. 122.

³² Там же. С. 256.

³³ Статья «Захватно-родовое владение землей и община» была опубликована в «Восточном обозрении» (1891. № 28. С. 1–3) без подписи. Но поскольку она практически дословно излагает содержание части седьмой главы «Материалов по исследованию землепользования и хозяйственного быта населения Иркутской и Енисейской губерний» можно, не боясь ошибиться, назвать ее автором Л.С. Личкова.

³⁴ А.А.К. [Кауфман А.А.] Хозяйственный и общинный быт крестьян и инородцев Иркутской губернии // Северный вестник. 1891. № 10. С. 39–40.

³⁵ Отзыв А.А. Кауфмана об исследованиях землепользования и хозяйственного быта государственных крестьян и инородцев Иркутской и Енисейской губерний // Отчет Императорского русского географического общества за 1893 год. СПб., 1894. С. 26. Заметим, что Кауфман считал работу достойной и высшей награды Общества — Константиновской медали, которой, однако, награждались лишь труды, «носящие имя автора», тогда как «Материалы...» являлись продуктом коллективного труда.

³⁶ Не имея возможности установить индивидуальный вклад каждого участника исследований в конечный результат, Совет РГО принял решение выразить каждому из участников труда отзыв о его значении и научной ценности. В отзыве, направленном Л.С. Личкову и подписанном вице-председателем РГО П.П. Семеновым, в частности говорилось: «...заслуги Ваши как одного из составителей программы исследований и его руководителя, а также редактора интересных глав коллективного труда ... ставят Вас, безусловно, в первый ряд деятелей по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской губернии» (цит. по копии документа, любезно предоставленной автору О.Б. Личковой. См. также: ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 111, л. 67).

³⁷ Переписку по этому вопросу см.: ГАИО, ф. 25, оп. 27, д. 621, т. 3, л. 200, 205, 216.

³⁸ Личков Б.Л. Памяти Л.С. Личкова... С. 37.

³⁹ Личков Л.С. Новые данные по истории заселения Сибири // Чтения в историческом обществе Нестора-Летописца. Кн. IX.. Киев, 1895. С. 76.

⁴⁰ Там же. С. 79.

⁴¹ Там же. С. 84.

⁴² Личков Л.С. Очерк истории развития форм крестьянского и инородческого землевладения в Восточной Сибири по новейшим исследованиям // Чтения в историческом обществе Нестора-Летописца. Кн. IX.. Киев, 1895. С. 18.

⁴³ Темы этих докладов далеки от темы нашего исследования: «К истории шаманства у инородцев Восточной Сибири» (см.: Чтения в историческом обществе Нестора-Летописца. Кн. IX.. Киев, 1895. С. 24–26), а также «Штрафная колонизация Сибири» (см.: Чтения в историческом обществе Нестора-Летописца. Кн. X.. Киев, 1896. С. 29–34); Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1903. Т. XXXIX а. С. 926–928). Заметим, что тексты докладов, опубликованные в малотиражных изданиях научного общества, интересы которого лежали далеко от сибирской проблематики, остались, фактически, незамеченными, как большой наукой, так и местными сибирскими исследователями. Более того, Личкова сочли умершим задолго до того, как это произошло. Об этом, в частности, писал в своих воспоминаниях Г.Н. Потанин (См.: Потанин Г. Воспоминания // Сибирская жизнь. 1915. 18 янв. С. 3). Л.С. Личков же умер в оккупированном немцами Киеве 24 февраля 1943 г. (Личков Б.Л. Памяти Л.С. Личкова... С. 57).

⁴⁴ См.: В.В. [Воронцов В.П.] Учения о происхождении земельной общины в России // Вестник Европы. 1910. № 4. С. 278.